

Глава 146 - "Не могу отпустить"

"Что ты собираешься делать дальше?"

Только у соседней городской стены Чжоу Менчэнь высказался.

Это было немного невежественно, но Чу Юнь знала, что она спрашивала, как он собирается разобраться с Муроном Юнъяо и тремя из них.

"Не знаю, давай я расскажу тебе ее историю".

Чу Юнь впервые после пересечения границы почувствовал себя таким растерянным.

Даже когда он проснулся в оцепенении и оказался в странном мире, он никогда не был так напуган.

Чжоу Мэнчэнь посмотрел на Чу Юня и не открыл рот.

"Она родом из очень большой семьи, и из-за особой родословной в ее теле, в возрасте двенадцати лет, она вступила в политический брак с молодым хозяином другой, большой семьи.

Все эти годы она приходила в Академию Бога Войны, чтобы отложить свадьбу.

Случайно я спас ее один раз семь лет назад, и именно она спасла меня в прошлом году, когда меня подставили, и моя семья была разбита девятью смертями.

Ао Чжань, казалось, имел обиду на семью, которая вышла за нее замуж, поэтому на этот раз, пытаясь отвратить другую сторону, он схватил нас и позже дал нам Хоупиум".

Чу Юнь рассказал эту историю в целом, а не конкретно о семье Мурона Юнъяо, и он чувствовал себя немного более расслабленным.

Объяснение, которое необходимо было объяснить, было ясным, и то, как поступить с ним позже, можно было оставить только природе.

"В конце концов, это моя вина за вас двоих, я просто надеюсь, что вы не будете держать обиды друг на друга, и что любые обиды, которые у вас есть, будут на мне".

Чу Юнь искренне смотрел друг другу в глаза, меняя свое обычное ленивое мошенничество.

"Как насчет попозже? Ты все еще собираешься увидеться с ней, да?"

"Это то, что она оставила, она хотела взять всю вину на себя в одиночку, но я не могла это игнорировать, простите..."

Чу Юнь вытащил носовой платок, который оставил Муронг Юнъяо.

"Сначала позволь мне побыть одной".

Чжоу Менгчен был необычайно спокоен.

Они уже добрались до города, и Чжоу Менгчен повернулся к нему, сказав это.

Чу Юнь наблюдал за тем, как другая сторона уходила, а также за кусочками, которые они когда-то уживались с быстрым воспроизведением в его голове.

Пока фигура другой стороны полностью не исчезла из поля зрения, на углу рта Чу Юня появилась горькая улыбка.

Неожиданно, его первая любовь не длилась два месяца за две жизни, и он пришел в такую ситуацию.

Собравшись с духом, Чу Юнь отправился искать Ши Линга.

Прилив зверя отступал, весь городской актерский состав ликовал, и только Чу Юнь был в скучном настроении.

Ши Лин был с Бу Юном и другими, отряд, который у них был в начале, все, кроме трех учеников Внутренней Академии, были там, а Одинокый Мо все еще был без сознания.

После встречи с толпой Чу Юнь узнал, что глава настоящей Боевой академии Лей Дунцзянь объединился со многими учителями академии, чтобы отправиться в лес Тяньсуань искать себя и других.

Вице-президентом Боевой академии в то время был Хан Тишэн.

Чу Юнь попросил Тан Цая вернуться в лес Тяньсуань, чтобы отчитаться перед деканом Лей и другими, чтобы избежать драки между толпой и Ао Чжаном.

Хотя Чу Юнь со страстью ненавидел Ао Чжана, он также знал, что даже если бы многие преподаватели академии объединили свои усилия, они определенно не подошли бы этому человеку, поэтому, чтобы избежать массовых жертвований напрасно, это письмо нужно было принести с собой.

Чу Юнь и Чжоу Мэнчэнь благополучно вернулись, а Хань Тишэн вел многих учеников обратно в академию.

Прилив зверя, продолжавшийся почти два месяца, наконец-то закончился.

Чу Юнь не вернулся в академию и провел весь день в таверне, пья без сознания, пока Ши Лин и Танг Кай не унесли его обратно.

Через семь дней Чу Юнь впервые поступил в академию.

Но он все равно не пошел в класс, а пошел прямо во внутренний двор.

Он опустился на колени возле травяной хижины пастуха.

Он знал, что Чжоу Менчэнь тоже не ходила на занятия в это время, ее занятия были организованы для замены других учителей.

И Чу Юнь очень хорошо знал, что Чжоу Мэнчэнь был внутри.

Он встал на колени на улице, не сказав ни слова, не подумав о том, чтобы попросить прощения, а просто искупить свои собственные грехи.

Хотя он знал, что в этом нет никакого смысла, он все равно пришел сюда неконтролируемо.

Это стояние на коленях, прямо от восхода солнца к истончению западных гор, не было никакого движения в травяной хижине, и Чу Юнь не издал ни одного звука, как будто статуя, не двигая ни одной мышцы.

Уже поздней осенью, Сто Боевой Город находился в северной части империи Тяньинь, разница температур между утром и ночью была чрезвычайно большой, и в это время года иногда выпадал снег.

По мере того как небо постепенно потемнело, Чу Юнь все еще не имел намерения уходить.

Ночной занавес, полностью закрыт.

Со всех сторон шёл сильный холодный воздух, свистел северный ветер, многие окружающие деревья были голыми и выглядели крайне подавленными.

Однако тонкая фигура Чу Юнь казалась еще более депрессивной, чем старые деревья поздней осени.

На второй день рассвет начался, волосы Чу Юня были вереницей блестящих капель росы, он все еще был похож на статую.

Утром третьего дня он был покрыт тонким слоем мороза.

Также во второй половине третьего дня холодное течение с севера спустилось на юг, и погода резко изменилась, во второй половине дня начался дождь, а вечером превратился в дождь и снег.

Поздней осенью на севере, снег сказал, что придет.

С четвертого дня шел снег.

Снег становился все тяжелее и тяжелее, и Чу Юнь вставал на колени в снегу, снег закапывал колени, ноги, а потом и бедра.

Все его тело перестало выглядеть живым, полностью превратилось в снеговика, и только верхняя его половина.

"Куда ты идешь?"

В соломенной хижине пастух несколько раз холодно пил.

"Я просто пойду и принесу письмо Ши Лин, пусть она придет и привезет его обратно."

У Чжоу Менчен глаза были красные, и она плакала в грушевидной форме.

"Он сделал это с тобой, почему ты все еще заботишься о нем?"

Старый пастух раздул бороду и уставился.

У него была только одна внучка, и теперь, когда ее обидели, как старик мог не расстраиваться из-за этого?

"Но, но он умрет."

Чжоу Менгчен был полон беспокойства.

"Какое отношение имеет к тебе его смерть или жизнь? Такие ублюдки заслуживают смерти".

Пастух становился злее.

"Но я не могу отпустить его, смотреть, как он страдает... Я... Я чувствую себя плохо..."

Поколение маленьких дьяволов, которое в этот момент было не более чем эмоционально расстроенной девушкой, плакало, чем более расстроенной она становилась.

"Не уходи, он еще не может умереть".

Патриарх холодно закричал и прямо выстрелил, чтобы запечатать акупунктурные точки на теле Чжоу Менчэня, из-за чего она не могла двигаться.

Только на седьмой день пастух открыл акупунктурные точки Чжоу Мэнчэня.

"Дедушка, просто отпусти меня, пока я уверен, что он еще жив, я не увижу его до конца своей жизни."

Как только точка акупунктуры была открыта, слезы Чжоу Менчэня упали, как разбитый жемчуг из струн.

"Иди, иди, приведи сюда этого маленького ублюдка, позаботься о нем."

Пастух наконец-то отпустил.

"А? Дедушка, ты меня не остановишь?"

Чжоу Мэнчэнь была немного смущена, раньше она даже не могла попросить её принести письмо в Ши Лин, но теперь ей пришлось самой об этом позаботиться?

"Что ты знаешь, этот маленький ублюдок настолько хорош, что не скажешь, сколько девочек он будет бить в будущем, и на этот раз это не просто так, но как драгоценная внучка моего мужа может ошибиться?"

Если ты не воспользуешься возможностью обмануть его, неизбежно, что ты сделаешь это снова в будущем".

Старик взорвал бороду и уставился, все еще в приступе.

Он делал это только для того, чтобы его внучка вздохнула с облегчением.

"Посмотри, как ты так занята этим маленьким ублюдком, что когда он проснётся, ты сразу же закончишь свой брак, чтобы он больше не ввязывался в цветы".

Пастух отчаянно сказал и покинул травяную хижину.

"А?"

Это случилось слишком внезапно, Чжоу Менгчен был застигнут врасплох, однако старик уже ушел.

<http://tl.rulate.ru/book/45397/1090061>